

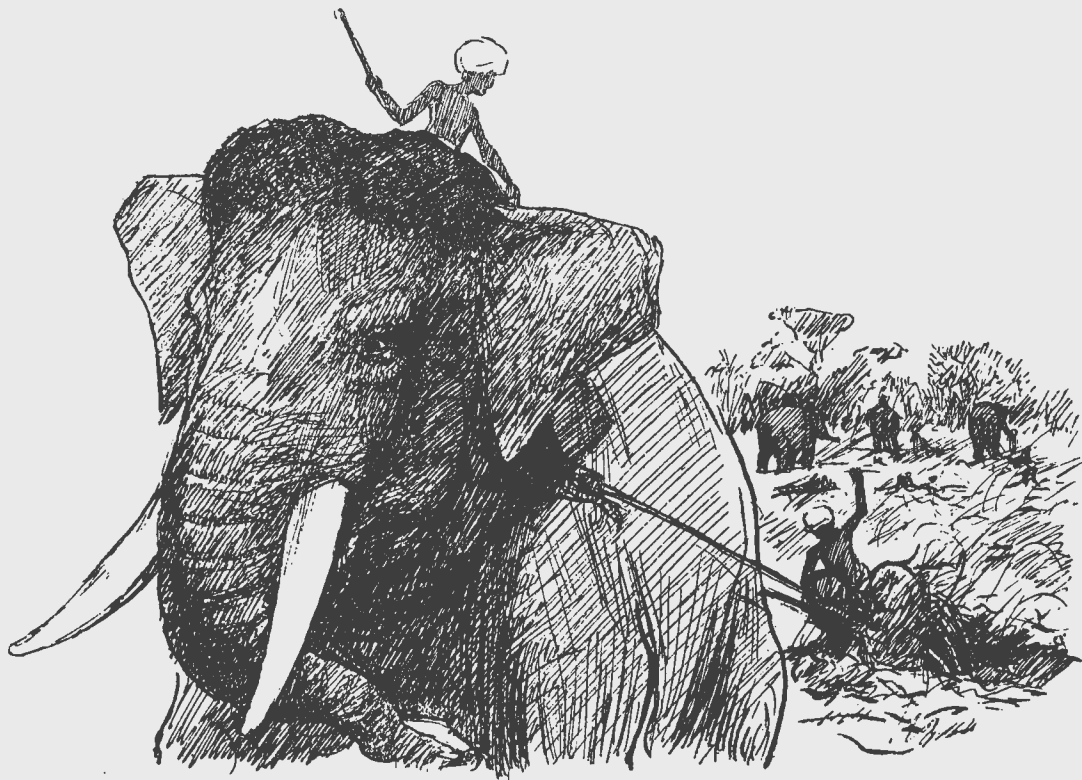
ПИОНЕР

Апрель

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“ 1936 г.

4

М я т е ж н и к М о т и Г а д ж

Рассказ Редьярда Киплинга

Рисунки П. Митурича

Перевод М. Кондратьевой

Жил некогда в Индии один плантатор, собиравшийся расчистить участок леса под кофейные плантации. Когда он срубил все деревья и выжег подлесок, оставались еще пни. Динамит дорог, огонь действует медленно. Лучшее орудие для корчеванья пней — владыка всех зверей — слон. Он либо выкапывает пень из земли своими бивнями, если сохранил их, либо вытаскивает пень при помощи канатов. Итак, плантатор стал нанимать слонов поодиночке, по паре, по три и приступил к работе. Лучший из слонов принадлежал худшему из погонщиков, или махаутов. Звали это великолепное животное Моти Гадж, что значит в переводе «Слон-жемчужина». А хозяин его был беспутный малый, и звали его Диса. Заработав много денег силами своего слона, он вдребезги напивался и бил Моти Гаджа шестом от палатки по чувствительным ногтям передних ног. Моти Гадж в

этих случаях не затапывал Дису досмерти, ибо знал, что после побоев Диса будет обнимать его хобот, плакать и называть его своей любовью, своей жизнью, печенью своей души и даст ему выпить какого-нибудь крепкого напитка. Моти Гадж очень любил спиртные напитки, особенно арак, впрочем, он охотно пил и пальмовое вино, если ничего лучшего не предлагали. Потом Диса ложился спать между передними ногами Моти Гаджа, и так как Диса обычно располагался на середине большой дороги, а Моти Гадж сторожил его, не пропуская ни конных, ни пеших, ни повозок, то движение останавливалось, пока Диса не соизволит проснуться.

Днем на плантаторской вырубке спать не приходилось: нельзя было рисковать большим жалованьем. Диса сидел на шее Моти Гаджа и отдавал ему приказания, а Моти Гадж выкорчевывал пни, ибо он вла-

дел парой великолепных бивней, или тянул канаты, ибо у него была пара великолепных плеч. Диса хлопал его по голове за ушами и называл царем слонов. Вечером Моти Гадж запивал свои триста фунтов свежей зелени квартой арака, а Диса тоже получал свою долю и пел песни, сидя между ногами Моти Гаджа, пока не наступало время ложиться спать. Раз в неделю Диса уводил Моти Гаджа вниз, на реку, и Моти Гадж блаженно лежал на боку среди отелей, а Диса прохаживался по нему с кокосовой шваброй и кирпичом. Моти Гадж прекрасно отличал тяжелый удар кирпича от шлепка шваброй, возвещающего, что нужно встать и перевалиться на другой бок. Потом Диса осматривал его ноги и глаза и отвертывал края его огромных ушей, ища, нет ли где язв или не началось ли воспаление глаз. После осмотра Моти Гадж весь черный и блестящий, держа хоботом сорванную с дерева двенадцатифутовую ветвь, махал ею, а Диса закручивал узлом свои длинные, мокрые волосы.

Мирная, хорошо оплачиваемая работа продолжалась, пока Диса не ощутил потребности напиться вдрызг. Он жаждал настоящей оргии.

Он подошел к плантатору и сказал, плача:

— Моя мать умерла.

— Она умерла на прежней плантации два месяца назад, а еще раз умерла до этого, когда ты работал у меня в прошлом году, — сказал плантатор, несколько знакомый с повадками Дисы.

— В таком случае это моя тетка: она была мне все равно что мать, — еще горше заплакал Диса. — Она оставила восемнадцать человек маленьких детей совершенно без хлеба, и я обязан наполнить их животики, — продолжал Диса, стучаясь головой об пол.

— Кто тебе сообщил об этом? — спросил плантатор.

— Почта, — ответил Диса.

— Почты не было уже целую неделю. Ступай обратно на свой участок.

— На деревню мою напала опустошительная жворь — и все жены мои умирают, — завопил Диса, теперь уже искренно заливаясь слезами.

— Кликните Чихана, однодеревенца Дисы, — приказал плантатор. — Чихан, есть у этого человека жена?

— У него! — воскликнул Чихан, — нет. Ни одна женщина из нашей деревни и не взглянет на него. Они скорее выйдут за-

муж за слона. — Чихан фыркнул. Диса плакал и ревел.

— Еще минута — и тебе плохо придется, — обратился к нему плантатор. — Ступай на работу.

— Ну, теперь я скажу всю истинную правду, — вдохновенно всхлипнул Диса. — Я уже два месяца не напивался. Я хочу уйти, чтобы основательно выпить вдали от этой небесной плантации. Так я не причиню никакой неприятности.

По лицу плантатора пробежала улыбка.

— Диса, — начал он, — ты сказал правду, и я сейчас же отпустил бы тебя, кабы можно было справиться с Моти Гаджем в твоё отсутствие. Ты знаешь, что он слушается только тебя.

— Да живет Сиянье Небес сорок тысяч лет! Я уйду только на десять коротких дней. По прошествии их, — клянусь моей верой, и честью, и душой! — я вернусь. Что же касается незначительного промежутка времени, то не соизволит ли небеснорожденный милостиво разрешить мне позвать Моти Гаджа?

Разрешение было дано, и в ответ на пронзительный крик Дисы величественный бивнотеносец выплыл из тени рошцы, где он обсыпал себя струей пыли в ожидании хозяина.

— Свет моего сердца, покровитель пьяниц, гора мощи, приклони ухо, — произнес Диса, становясь перед слоном.

Моти Гадж приклонил ухо и в знак приветствия помахал хоботом.

— Я ухожу, — промолвил Диса.

Глаза Моти Гаджа блеснули. Он не меньше хозяина любил прогулки. В этих случаях всегда удается срывать разного рода вкусные вещи, растущие по краям дороги.

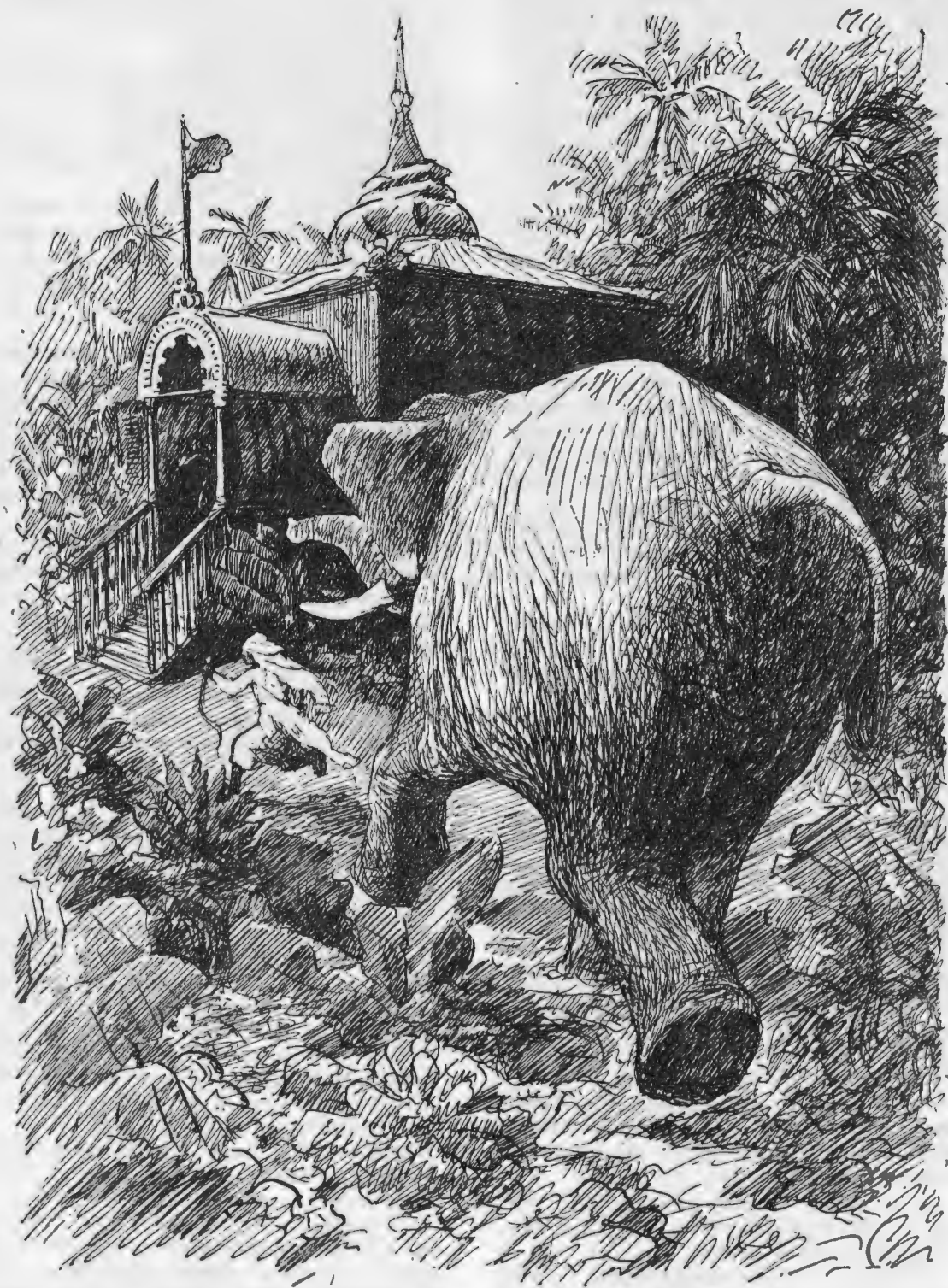
— Но ты, головастая старая свинья, ты останешься здесь и будешь работать.

Блеск глаз потух, хотя Моти Гадж и старался казаться довольным. Он ненавидел тасканье пней на плантации. От этого у него болели зубы.

— Я уйду на десять дней, о Сладостный! Подними ближайшую ко мне переднюю ногу, и я вколочу это в нее, бородавчатая жаба из высохшей грязной лужи.

Диса схватил шест от палатки и десять раз ударил Моти Гаджа по ногтю. Моти Гадж ворча переступал с ноги на ногу.

— Десять дней, — промолвил Диса, — ты должен будешь работать, таскать и вырывать с корнем деревья, как прикажет тебе вот этот человек, Чихан. Возьми Чихана и посади его себе на шею.

Моти Гадж оказал белому человеку честь, прогнав его чуть ли не четверть мили по вырубке и загнав его на веранду.

Моти Гадж подвернул конец хобота, Чихан поставил на него ногу и был поднят на шею слона. Диса передал Чихану тяжелый анкус — железную палку, которой погоняют слонов.

Чихан стукнул Моти Гаджа по лысой голове, как мостильщик бьет по бульбжнику.

Моти Гадж затрубил.

— Утихни, кабан из дремучего леса! Чихан будет десять дней твоим махаутом. А теперь попрощайся со мной, зверь моего сердца. О мой владыкка, царь мой! Драгоценнейший из всех сотворенных слонов, лилия стада, береги свое почтенное здоровье, будь добродетелен! Прощай!

Моти Гадж обвил хоботом Дису и два раза поднял его на воздух. Так он всегда прощался с хозяином.

— Он теперь будет работать, — уверил Диса плантатора. — Можно мне уйти?

Плантатор кивнул головой, и Диса нырнул в чащу леса.

Моти Гадж опять принялся вытаскивать пни. Чихан обращался с ним очень хорошо, но несмотря на это слон чувствовал себя несчастным и одиноким. Чихан кормил его катышками из пряностей, после работы ребенок Чихана ласкался к нему, а чиханова жена называла его милашкой, но Моти Гадж был природным холостяком. Он не понимал семейных радостей.

Ему хотелось вернуть свет своей жизни — хмель, и хмельной сон.

Тем не менее он, к удивлению плантатора, хорошо работал. Диса же бродил по дорогам, пока не наткнулся на свадебный поезд людей своей касты, и тут он, пьянствуя, танцуя и кутя, понесся по течению, потеряв всякое представление о времени.

Настал рассвет одиннадцатого дня, но Диса не вернулся. Моти Гаджа отвязали, чтобы начать дневную работу. Он отряхнулся, огляделся, пожал плечами и пошел прочь, словно у него было дело в другом месте.

— Хай! Хо! Ступай назад, ты! — кричал ему вслед Чихан. — Ступай назад и подними меня на свою шею, гора злосчастия. Вернись, о великолепие горных склонов, краса всей Индии, подними меня, нето я отоью тебе все пальцы на твоей жирной передней ноге!

Моти Гадж мятко заворчал, но не послушался. Чихан помчался за ним с веревкой и поймал его. Моти Гадж насторожил уши и Чихан знал, что это значит, хоть и

пытался еще бороться при помощи ругательств.

— Не дурить у меня! — кричал он. — Назад в загон, сын дьявола!

— Хррамп! — произнес Моти Гадж и этим опраничился, но уши остались насторожены.

Приняв небрежный вид и жуя ветку, служившую ему зубочисткой, Моти Гадж стал слоняться по вырубке, наомехаясь над другими слонами, которые только что принялись за работу.

Чихан доложил о положении дел плантатору, тот вышел из дома с собачьей плеткой и яростно щелкал ею. Моти Гадж оказал белому человеку честь, прогнав его чуть ли не четверть мили по вырубке и своими «хрампами» загнав его на веранду. После этого он стоял около дома, смеясь про себя и трясясь всем телом от смеха, как это обычно делают слоны.

— Мы его отхлестаем, — решил плантатор. — Он получит самую лучшую трепку, какая доставалась когда-либо слону. Дайте Кала-Нагу и Назиму по двенадцати-футовой цепи и велите им отвесить ему по двенадцати ударов.

Кала-Наг — что значит «Черный змей» — и Назим были самыми крупными слонами на всем участке, и в число их обязанностей входило исполнение важнейших наказаний, ибо ни один человек не может как следует побить слона.

Они взяли хоботами предназначенные для порки цепи и, гремя ими, двинулись к Моти Гаджу, намереваясь стиснуть его с обеих сторон. Моти Гаджа не секли ни разу в продолжение всей его тридцатидевятилетней жизни, и он не собирался приобретать новый опыт. Поэтому он стоял в ожидании, покачивая головой справа налево и целясь на то место в жирном боку Кала-Нага, куда его бивень мог проникнуть глубже всего. У Кала-Нага не было бивней. Знаком его власти служила цепь, но в последнюю минуту он счел за лучшее отойти подальше от Моти Гаджа и притвориться, будто принес цепь только ради потехи. Назим повернулся и быстро ушел домой. В это утро он не был расположен драться, и Моти Гадж остался стоять одиноким с приподнятыми ушами.

Это заставило плантатора прекратить спор, и Моти Гадж возобновил свой любительский осмотр вырубки. Когда слон не хочет работать и не привязан, с ним, приблизительно, так же легко справиться, как с корабельной пушкой весом в восемьдесят

Диса крикнул на таинственном, слоновьем языке.

одну тонну, оторвавшейся во время сильной морской качки. Он хлопал старых приятелей по спине и спрашивал их, легко ли выдерживаются пни, нес чепуху о работе и неотъемлемом праве слонов на долгий полуденный отдых; бродя взад и вперед, он успел перемотать все стадо еще до заката, когда вернулся в свой загон на кормежку.

— Не хочешь работать, — не будешь есть, — сердито отрезал Чихан. — Ты дикий слон, а вовсе не обученное животное. Ступай в свои джунгли.

Крошечный коричневый ребенок Чихана, перекатываясь по полу хижины, протянул пухлые ручонки к огромной тени в дверях. Моти Гадж отлично знал, что это существо было дорожке всего на свете Чихану. Он вытянул вперед свой хобот с сообразительно закрученным концом, и коричневый ребенок с криком бросился на него. Моти Гадж обнял его, поднял вверх — и вот смуглый младенец уже ликовал в воздухе, на двенадцать футов выше головы своего отца.

— Великий владыка! — произнес Чихан, — самые лучшие лепешки числом две-

надцать, по два фута в поперечнике и вымоченные в роме будут твоими сейчас же, кроме того двести фунтов свежесрезанного, молодого сахарного тростника. Соизволь только благополучно спустить вниз этого ничтожного мальчишку, который для меня — как сердце мое и жизнь моя.

Моти Гадж удобно устроил смуглого младенца между своими передними ногами, способными растоптать и превратить в зубочистки всю чиханову хижину, и стал ждать пищи. Он с'ел ее, а коричневый ребенок уполз. Моти Гадж дремал, думая о Дисе. Одно из многих таинственных свойств слона заключается в том, что огромному его телу нужно меньше сна, чем всем прочим живым существам. Ему довольно четырех или пяти часов сна за ночь: два часа перед полночью он лежит на одном боку, два после часу ночи — на другом. Прочие часы безмолвия заполняются едой, возней и долгими ворчливыми монологами.

В полночь Моти Гадж вышел из своего загона, ибо ему пришло в голову, что Диса лежит пьяный, где-нибудь в темном лесу и некому присмотреть за ним. И вот он

целую ночь шлялся по зарослям, пыхтя, трубя и тряся ушами. Он спустился к реке и затрубил над отмелями, где Диса имел обыкновение купать его, но ответа не было. Дису он найти не смог, но зато переполошил всех слонов на участке и чуть не до смерти напугал каких-то цыган в лесу.

На рассвете Диса вернулся на плантацию. Он действительно здорово по пьянствовал и ждал неприятностей за просрочку отпуска. Он облегченно вздохнул, увидев, что дом и вся плантация целы и невредимы (ведь он кое-что знал о характере Моти Гаджа), и пошел доложить о себе, сопровождая свою речь многочисленными поклонами и враньем. Моти Гадж ушел завтракать в загон. Он проголодался после ночной прогулки.

— Позови своего зверя, — приказал плантатор, и Диса крикнул на таинственном слоновьем языке, который, как верят некоторые махауты, перешел сюда из Ки-

тая еще при рождении мира, когда слоны, а не люди, были господами. Моти Гадж услышал и пришел. Слоны не скачут галопом. Они передвигаются с места на место с различной скоростью. Если слон захочет догнать курьерский поезд, он не помчится галопом, но поезд он догонит. Итак, Моти Гадж очутился у дверей плантатора чуть ли не раньше, чем Чихан заметил, что он ушел из загона. Он упал в объятия Дисы, трубя от радости: человек и животное плакали, лизали и ощупывали друг друга с головы до пяток, чтобы убедиться, что ничего худого не случилось.

— Теперь мы пойдем на работу, — сказал Диса. — Подними меня, сын мой, радость моя.

Моти Гадж вскинул его вверх, и оба они пошли на кофейную вырубку за надоевшими пнями.

Плантатор был слишком изумлен, чтобы сильно рассердиться.

ПТИЦЕЛОВЫ

Птицеловы ловят птиц на лесной поляне. Хитрое орудие лова состоит из двух длинных бамбуковых прутьев, крепко закрепленных у пояса охотника. На прутья натянута сетка. «Расправляя» и «складывая» эти «крылья», охотники захватывают в свои сети птиц.

В Америке такими сетками ловят птиц

для научных наблюдений. На лапу пойманной птицы надевают кольцо с надписью о том, где и когда птица «закольцована», и потом птиц пускают на волю. Птицы — кочевники: они перелетают из края в край, из страны в страну. Если такую птицу снова поймут или убьют, по кольцу ее узнают, откуда она прилетела.